

Предисловие

В России XVIII века философский роман Франсуа Фенелона (1651–1715) «Приключения Телемака» (*Les aventures de Télémaque*, 1699) пользовался необычайной популярностью и на русский язык переводился неоднократно. В 1747 г. в Санкт-Петербурге увидел свет анонимный перевод «Похождение Телемака», который затем в 1767 и 1782 г. дважды переиздавался. В 1781 и 1788 г., также в Петербурге, был напечатан перевод П. Железникова «Приключения Телемака», а в 1786 г. под тем же заглавием — перевод И. Захарова. В самом конце века, в 1797 и 1800 г., в Москве был издан перевод Ф. Лубяновского¹. К этому списку прозаических переводов следует добавить и известное стихотворное переложение В. К. Третьяковского — героическую поэму «Тилемахида, или странствование Тилемаха, сына одиссея» (СПб., 1766). Слава романа была столь велика, что в начале XVIII в. барон Гюйссен включил произведение Фенелона в инструкцию для воспитания царевича Алексея Петровича, рекомендовав преподавателю «в свете знатного Телемака»².

В настоящее время установлено, что в 1747 г. был напечатан первый перевод романа на русский язык, который был выполнен еще в Петровскую эпоху (в 1724 г.) известным переводчиком того времени, офицером Адмиралтейства Андреем Федоровичем Хрущовым, и что печатный вариант 1747 г. содержит в себе множество ошибок, пропусков и неточностей³.

¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. III. М., 1966. №№ 7708–7710, 7712–7715.

² Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 139.

³ Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Третьяковского // XVIII век. Сборник статей и материалов. Л., 1935. С. 5–16; Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 167–172; Круглов В. М. Ф. Фенелон: «Похождение Телемака» (к истории создания первого русского перевода) // *Tusculum slavicum. Festschrift für Peter Thiergen (=Basler Studien zur Kulturgeschichte Osteuropas)*. Bd. 14. Zürich, 2005. S. 501–513.

Настоящее издание посвящено переводу А. Ф. Хруцова. Текст публикуется по рукописным книгам XVIII в., помогающим более точно, чем это позволяет печатный источник, реконструировать первоначальный авторский вариант.

«Приключения Телемака» были написаны Фенелоном для внука Людовика XIV, герцога Бургундского, воспитателем которого служил Фенелон. В основе произведения лежит рассказ о том, как Телемак, сын Одиссея, в сопровождении богини Афины, принявшей образ Ментора, странствует по свету в поисках своего отца. Подобный сюжет помогает донести до читателя нравоучительное и философское содержание произведения, помогает увидеть страны с разными типами государственного правления и услышать наставления Ментора, который в различных жизненных ситуациях учит Телемака благородным поступкам.

Перевод А. Ф. Хруцова, несомненно, оставил заметный след в истории русского литературного языка и истории русской переводной художественной литературы. В Петровскую эпоху, когда становление новых норм литературного языка еще только начиналось, а подавляющее большинство переводов носило прикладной характер, появление на русском языке популярного в Европе философского романа с авантюрным сюжетом было событием исключительным. «Похождение Телемака» получило заслуженное признание современников и потомков и, возможно, оставалось стилистическим образцом русской художественной прозы до выхода в свет романа «Езда в остров любви» в переводе В. К. Тредиаковского.

Похождение Телѣмака, сѣна улиссова,
сложеное чрезъ господина
Франсоа де Салиньякъ де ля Моттъ Фенелонъ,
учителя гѣдря детѣй французскихъ,
по томъ архиепископъ дюкъ де Камбре
и князь Святыя Имперіи.
Новыя печати, с подлинного манускрита авторова
умножена и исправлѣна.
Часть первая.
Нѣтъ переведеса вновѣ на россійской ѡзыкѣ.
В Санктъ Питеръбурхе 1724 годѣ

[с. 1:]

Предисловіе

Похождение телемаково достойно похвалы ѿ всехъ разумныхъ людей. Ї любопытныя люди в великомъ почтеніи ѿмѣють. И хотя въ единъ годъ было болѣе дватцати выходовъ в разныхъ мѣстахъ, но темъ любопытство людское не могло удоволствоватисѣ, ѿ чтениемъ сея кнѣги, полѣзною ѿ приятной, насытитисѣ никто не можетъ. Ради того все книжники с такою ѡхотою печатали, что не было до сего времени ни единого выхода справедливаго ѿ чтобъ освидетельствованъ былъ самимъ авторомъ. И печатаны были безъ его вѣдома.

Господинъ де Камбре сложилъ сию баснь в научение господину дюку де Бургонье, котораго училъ. Ї вмѣсто награждения надеялся *от* трудовъ своихъ получить плодъ, то есть дати своему отечеству короля добраго ѿ премудраго, которой бы любилъ миръ и воевать не боялся.

Когда сию книгу писалъ, тогда единъ его писарь, которой ему при томъ делѣ служилъ ѿ писалъ, написалъ двѣ копіи: однѣ — автору, а другую — себѣ. По томъ учинилъ себя ѿз

службы господина де Камбре свободнымъ и манускриптъ свой одному книжнику [с. 2:] парижскому продалъ. И отъ того времѣни протекла его книга не только Францію, но и всю Европу, и вси приемлють с радостію.

Хотя господинъ де Камбре нечаянно книгу свою напечатанную виделъ, но не хотель еѣ исправить, ни утвердити, и ни малого к тому усердія не показалъ. Или ради своего целомудрія, или боялся прогневати монарха своего, которому зело подозрителенъ сталъ. Понеже какъ скоро печатная книга на светъ явилася, тогда неприятели господина де Камбре начали его злословити и называли его басню злымъ и лукавымъ описаниемъ всехъ дѣлъ Людовика 14. И ненавистницы его какъ возможно слухъ сей повсюду разглашали и, дабы его болеѣ привести в подозрение, сложили песню:

«Фенелонъ своим писаниемъ внука учить,
Розгами деда его мучить».

В томъ подозрениі и отъ неприятелѣй своих гоненій скончалъ животь свой и въ архиепископскомъ своемъ городе Камбре умре 1715 году.

По смерти его наслѣдники его нашли в писмах манускриптъ, подленникъ, и с того подленника напечатали [с. 3:] вновь. И первой выходъ былъ в Париже 1716мъ году, по томъ — во многихъ мѣстахъ. И все прежнія печати некое несходство на многихъ мѣстахъ не токмо в словахъ и слоге речей, но во многихъ пространныхъ речахъ. И многихъ речей в прежнихъ печатехъ не обретаются, которыя въ арижиналѣ написаны.

Господинъ де Камбре разделилъ на дватцать на четыре книги по обычаю «Іліяды» гомеровой. И не точию разделѣниемъ книгъ, но и самимъ стилемъ такъ добре Гомеру послѣдовалъ, что ученые люди нѣшняяго вѣка сумнѣваются, кто болшой похвалы достоинъ, древнѣй ли Гомеръ, или нашъ господинъ де Камбре.

И хотя господинъ де Камбре ѿ непечатаніи своей кнѣги зело не радель, но все народы великую охоту и почтеніе къ его «Телемаку» непрестанно имѣли. И не дивно тому, понеже приятность сложенія, нравоученія чистое и непорочное, икономія и порядокъ всея книги, іяснение честное и ясное,

разговоры приятныя і вразумителныя, разность случаевъ и множество і, единымъ словомъ, высокоуміе авторова, извѣстное і всемъ вѣдомое, всѣхъ людей на похвалу поострили. И еще болѣе авторова ізгнание всехъ людей любопытство возбудило, и многія хотели за него мстити. [с. 4:]

Некоторые автора осуждаютъ, что писалъ стилемъ поэтическимъ. Правда, стиль господина де Камбре поэтической, но еще но і лутчей поезіи, какой послѣ Гомера не видали. Но темъ его осуждати невозможно, но надобно похвалити, понеже онъ продолжалъ телѣмаковъ случай, о которомъ Гомер в четвертой книгѣ своей «Одиссеи» писалъ. Ради того надобно всякому смотреть, во всемъ ли господинъ де Камбре Гомеру послѣдовалъ и добре ли написалъ. По томъ всякъ будетъ принужденъ сказать правду, что книга господина де Камбре такъ совершенна, что болше того желати невозможно.

Иныя не хвалятъ, что поэтическимъ стилемъ писалъ просто, а не рифмами, понеже не видятъ, что господинъ де Камбре писалъ ради младого князя, котораго надобно учить, стилемъ приятнымъ і вразумительнымъ, і жестокое учение покрыти сладостию, ібо всякое учение догматическое юнымъ людямъ кажется свирѣпо і вскоре огоршается. Ради того сыскалъ посредство симъ бѣзгрешнымъ обманомъ учить.

Другимъ неприятно, что написалъ басню, а не історию, і правое нравоучение прилѣпилъ къ случаю мысленнымъ. Но напрасно басни осуждаютъ. [с. 5:] Святое Писание ихъ не отемлѣтъ, жестокия учителя ихъ употребляютъ, младенцы любятъ і болше могутъ къ учению імѣти охоты и желанія — все імъ надобно претворяти въ ігранія и забавы. Ради того господинъ де Камбре великой похвалы достоинъ, что симъ образомъ училъ юнаго принца, котораго болше желаютъ почтения и ігранія, нежели жестокого учения и принужденія.

Надобно было написати в похвалу господина де Камбре панежирикъ совершенной і его дела, учение, разумъ і все добродѣтели, і талантъ описати. Но доволно единого «Телѣмака». Всякъ, кто его прочтетъ, увидитъ, каковъ былъ

господинъ де Камбре, познаеть его учение и смыслъ, скажетъ о немъ, какъ царица Савская сказала СоломонѸ о сла- вѣ его. Истинна суть словеса: «**А** же слышихъ в земли моей о словесехъ твоихъ и о смыслѣ твоємъ и не яхъ веры глаголю- щимъ, дондеже приїдохъ сѣмо. И вижу уже очима своима. И се нѣсть ни поль того, еже ми повѣдаша». 3 Царствъ, глава 10. [с. 6:]

Книги первыя части Книга перва

Минерва провождаетъ Телемака во образе Манѣтора. По утоплѣнїи корабля приходятъ во островъ богини Калипсы, которая о ѿшествїи улиссовомъ еще печалится. Богиня приемлѣтъ ихъ любително. Возлюбила Телѣмака. Обѣщаетъ ему безсмертіе и вопрошаетъ о его походе. Повѣдаетъ ей свое путешествие в Пилосъ и Лацедемонъ, потопление свое близ Сициліи. Хотятъ его принести на жертву мощамъ анхисовымъ. Телемакъ и Манторъ помогаютъ Ацесту во время нападенія варварскаго. Сей царь благодаритъ ихъ за ихъ службу, даетъ имъ корабль тирской возвратитися в свою землю. Листъ 6, на обороте.

Книга втора

Телемакъ повѣдаетъ, какъ корабль тирской пленили корабли сезострисовы и повели во Египетъ. Описуетъ красоту земли сей и мудрое правленіе црѣя ихъ. Манторъ посланъ пленникомъ въ Ефиопію. Телемакъ пасетъ стада в пустыни. Оазисъ Термозирисъ. Священникъ аполлоновъ утѣшаетъ его. Учитъ его слѣдовать Аполлону, которой преждѣ бывалъ пастыръ црѣя Адметея. Сезострисъ уведалъ дѣла его чудные, позналъ его невинность, повелѣваетъ его взяти и обѣщаетъ отпустить его во Итаку. Смерть сего црѣя наводитъ на него новые бѣды. Сажаютъ его в темницу близъ моря. Оттуда [с. 7:] видитъ убиеніе новаго црѣя, Бокхориса, на бою противу бунтовщиковъ, своихъ подданныхъ, которымъ тиряне помогали. Листъ 14, на обороте.

Книга трети

Телемакъ повѣдаетъ, какъ наследникъ бакхорисовъ возвратилъ всехъ пленниковъ тирскихъ. Телемакъ повезетъ с

ними в Тир на корабле нарбаловомъ начальника флота тирского. Нарбаль описуетъ ему црѣя своего, Пигмалиона. Сребролюбия его велить бояться. Нарбаль поведаетъ о купечествѣ тирскомъ. Телемакъ садится на корабль кипрской. Идетъ в Критъ і оттуду — во Итаку. Пигмалионъ, уздавъ, что он чужестранецъ, ищет его погубити. Астарбея, возлюбленица тиранова, его спасает. Предаетъ на смерть единого юношу, которой еѣ прогневалъ. Листъ 24.

Книга четвертая

Калиѡо Телемака покоить. Манторъ осуждаетъ его, что сказываетъ свое похождение, і советуетъ ему окончати, когда уже началъ. Телемакъ поведаетъ, какъ, идучи іс Тира во островъ калипсинъ, виделъ во снѣ Венуса и Купидона і какъ Минерва его защищаетъ. По томъ видитъ Мантора, которой его умоляетъ кипрского острова бѣжати. Буря корабль потопляетъ. Телемакъ править кормиломъ. Кипряне, упившеся виномъ, не могутъ [с. 8:] спастися. Пришедше в Кипръ, видитъ дѣла скверныя з горестию. Газаиль, сирянинъ, там же обретается. Манторъ — его неволникъ. Везетъ Мантора і Телемака на своемъ корабле в Критъ. Видитъ на пути Анфитриты колесницу. Его везутъ морскія кони. Листъ 34, на обороте.

Книга пята

Телемакъ поведаетъ, какъ уведали в Критѣ, что Идомей, царь, принесъ едиnorodнаго сына своего на жертву ради безумнаго своего обѣщанія. Критяне крофъ сыновню хотятъ мстити і принуждаютъ отца оставити государство. Собираются і избираютъ нового црѣя. Телемакъ обретается в собраніи і получаетъ почестъ. Разрешаетъ вопросы миносова закона. Старцы и судіи острова хотятъ ради его премудрости поставити царемъ. Листъ 43, на обороте.

Книга шестая

Телемакъ царства не хочетъ, но возвращается во Итаку. Представляетъ Мантора, которой такожде диадимы не желаетъ. Собрание принуждаетъ Мантора избрати царя народу. Манторъ слышитъ о добродетелѣхъ Аристодема, которой поставлень быть царемъ. По семъ Манторъ с Телемакомъ отходятъ во Итаку, но Нептунъ, утешая Венуса, злится и корабль ихъ потопляетъ. Богиня Калипсо приемлѣтъ ихъ во свой островъ. Листъ 53. [с. 9:]

Книга седмая

Калипсо походу телемакову дивится, хочетъ его в своемъ строуе удержати. Привлекаетъ к себе в любовь. Манторъ Телемаку возбраняетъ, богиненой лести препятствуетъ. Такожде Купиде и Венусу. Телемакъ и нимфа Евхариса возлюбилася. Калипсо ревнуетъ и на любителей сихъ гневается. Кленется Стиксомъ Телемака отпустить. Купидо утешаетъ и принуждаетъ нимѣ карабль манторовъ зжести, когда Манторъ ведетъ къ караблю Телемака. Телемакъ тайно созженію карабля радѣется. Манторъ падаетъ в море, плыветъ к другому караблю, недалеко от острова лежащему.

Книга осмая

Адоам и братъ нарбаловъ, начальникъ карабля тирского, приемлетъ Мантора и Телемака любително. Сей начальникъ узнал Телемака и поведаетъ ему плачевную смерть Пигмалиона и Астарбеи. По том о возведеніи на црѣство Белиазара, которого тиранъ возненавиделъ Астарбеи ради. Кормитъ Телемака и Мантора. Ашитоасъ сладкимъ своимъ пениемъ собираетъ къ караблю тритоновъ, nereидовъ и иныхъ боговъ мориныхъ. Манторъ играетъ на лире лутче, нежели Ашитоасъ. Адоамъ поведаетъ чудеса земли Белтиской. Описуетъ блѣгостворение воздуха и другія доброты земли сей. Тамо народъ живетъ покойно и простонравно. Листъ 71.

[с. 10:]

Книга девятая

Венусъ злится на Телемака и просить Юпитера, да погубить его, но предель того не повелеваетъ. Богиня с Нептуномъ *отводитъ* его *от* Итаки. Предаютъ кормчаго Ахомиса божеству прелестному. Ахомась, мня, приходитъ во Итаку, вниде на всехъ парусахъ в пристань салантийскую. Црь Идоменей приемлетъ Телѣмака в свой град, гдѣ хотятъ жертвовать Юпитеру о победѣ на мандуриянь. Священникъ смотритъ внутреннюю жертвованныхъ скотовъ, провѣщаетъ ему всякое благо и велитъ благодарити сихъ двухъ пришелцовъ. Листъ 83.

Книга десятая

Идоменей поведаеть Мантору вину войны на мандуриянь. Сей народъ *отдахъ* ему береги земли геспериадской, гдѣ Идоменей построил град. Сами *отидоша* в горы. Идоменеѣвы люди обидятъ их. Посылають к нему дву старцовъ, посланниковъ, с которыми зделали мир. Миръ сей войны идоменеѣвы неведениемъ преступили. Народъ оной идетъ на него войною. Идоменѣй говоритъ. Мандуриане идутъ съ оружиемъ и приближаются къ вратомъ салантийскимъ. Несторъ, Филоктеть и Фалантъ соединилися с мандурианами противъ Идоменѣя. Манторъ исходитъ из Саланта и предлагаетъ единъ неприятелѣмъ миръ. Листъ 98. [с. 11:]

Книга перваянадесять

Телемакъ видитъ Мантора посредѣ соединенныхъ и хочетъ знати ихъ намерение. Исходитъ из Саланта, идетъ к Мантору. Присудствиемъ своимъ принуждаетъ соединенныхъ миритися на предложенныхъ договорехъ со страны идоменеевой. Цри входятъ в Салантъ яко приятели. Идоменей договоры утверждаетъ. Даютъ другъ другу закладъ и приносятъ жертву между града и полковъ во утверждение мира. Листъ 100, на обороте.

Книга втораядесять

Несторъ ѿмянемъ соединенныхъ просить у Идоменѣа помощи противъ донианъ, своихъ неприятелѣй. Манторъ градъ строить, Салантъ. Возбуждаетъ людей къ земледелию и отдаетъ Телѣмака соединеннымъ въ помощь ѿ сто человекъ критянъ блѣгородныхъ. По ѿшествіи телемаковымъ Манторъ ходитъ по всему граду ѿ пристаніи и о всемъ вопрошаетъ. Повелѣваютъ Идоменею делати новыя законы о купечествѣ ѿ строеніи града. Розделяетъ народъ на семь чиновъ. Различаетъ достоинство и роды ихъ различнымъ одеяніемъ. Отсекаетъ роскоши ѿ художества неполезныя ѿ принуждаетъ дѣлати землю, и земледелие приводить въ почтение. Листъ 107, на обороте.

Конецъ книгамъ первой части

[с. 12:]

Похождение телѣмаково, сѣна улиссова
Часть первая
Похождение Телѣмака, сѣна улиссова
Книга первая

Калипсо по ѿшествіи улиссовомъ утѣшиться не можетъ. В печали своей бедною себя называет, что безсмертна. В пещере ея сладкого пения уже нѣтъ. Нимфы, служащая ей, молчатъ и не смѣютъ промолвити. Часто едина по лугамъ цветущимъ гуляетъ, которыми вѣчная весна островъ ея украсила. Но оныя красныя мѣста скорби ея не облегчали, но паче о Улиссе ей воспоминали, которого на сихъ веселыхъ местахъ многжды видала и с нимъ гуляла. Часто стояла недвижимо на берегу моря, обливая его слезами и обращаясь непрестанно на страну, гдѣ корабль улиссовъ, разсекая морския волны, от очей ея скрылся. Внезапу увидела остатки корабля разбитого: лавки гребцовъ, [с. 13:] на части поломаны, весла, на песке повсюду разбросаны. Кормило, машты, конатъ ко берегу плывутъ. По томъ зреть издалеца два чело века: единъ старъ, а другій млад, подобенъ Улиссеу приятностию, бодростию, возрастомъ своимъ и великодушиемъ. Богиня проразумѣла быти Телѣмаку, сѣну преславнаго мужа Улисса. Но хотя боги превосходятъ в познаніи всякого члѣвца, однако ж не могла уведати, кто оной почтенный мужъ с Телемакомъ былъ. Ибо вышнихъ боговъ ізволение скривати отъ нижнихъ все, что хотятъ. Минерва, спутница телѣмакова под видомъ и іменемъ Мантора, не хотѣла Калипсо открытися. Но Калипсо сему разбитію корабелному радуется, понеже принесло на островъ ея сѣна улиссова, его родителю подобнаго. Идетъ къ ему, яко бы его не знала, и говоритъ ему: «Откуда вамъ далосъ дерзновение к сему острову пристати? Ведаеш ли, о юноше іностраннѣй, что близъ моего владения никто безъ наказанія не приближается». Хочетъ такими грозными словами скрыти радость своего сердца, которая на лице ея сияетъ.

Телѣмакъ отвѣщаетъ: «Не знаю, кто ты, ѿ, благопочтенная, — богиня, или человекъ? [Хотя всякъ, видя, за богиню почтеть]. Возможно ли тебѣ немилостивой быти, видя злополучие сѣна, которой ѣщеть отца, вдавшися ветромъ и волнамъ, и видя корабль нашъ разбитый у твоихъ горъ?» Она же спросила его: «Кто отецъ твой? Кого ѣщеши?» «Улисса, — говоритъ Телемакъ. — Единъ отъ црѣй, которыя по десятилѣтней осадѣ раззорили преславную Троию. Имя его прославилося по всей землѣ Греческой и по всей Азіи ради его мужества на войнахъ, а паче — ради его премудрости в советехъ. Нѣтъ окружаетъ моря и плаваеетъ [с. 14:] чрезъ каменіе и пороги страшныя. Въ отчество свое прийтти не можетъ. Жена его, Пенелопія, и я, сѣнъ его, отчаявши паки его видети, безъ надеждъ пребываемъ. И я, с такимъ же страхомъ бѣгая повсюду, хошу вѣдати, гдѣ онъ обрѣтается. Что я говорю! Можетъ быть, что ѿнъ нѣтъ покрытъ в глубинѣ бездны морскія. Умилися надъ бѣднымъ, ѿ, богиня! Буде знаеши, какой предѣль положень ко спасенію, или погибѣли Улиссовой, ѣзволь сказать сѣну его, Телѣмакъ».

Калипсо удивилася и умилилася, видя в такой юной младости многую мудрость и сладко реченіе. Не можетъ виденіемъ очей своихъ насытити и стоить долго молча. По томъ промолвила: «Скажу тебѣ все, что ѿцу твоему случилось, но повесть его немала. А тебѣ время отъ всехъ трудовъ твоихъ упокоитися. Приди в домъ мой. Прииму тебя, яко моего сына. Приди! Будешь жити бѣгополучно, толко умеи себя содержать».

Телемакъ пошелъ вслѣдъ богини, окружень многими младыми нимфами. Калипсо же главою своею выше всехъ являшася, яко же высокій дубъ простираетъ ветви своя на малыя древѣса. Удивляяся сиянію красоты ея, пребогатой порфире, ризе еѣ долгой и возвеваемой, власами, созади завязанными неуборно, но зело приятно, огненнымъ очамъ ея и тихости, которая красоте ея примесилася, Манторъ, поклонивъ главу свою и с мудрымъ молчаніемъ, поиде за Телемакомъ.

Пришли ко дверемъ пещеры калипсинымъ. Тамо Телѣмакъ зело удивился, видяше все уборы, простотою деревен-

скою украшены. [с. 15:] Не было тамо ни злата, ни сребра, ни мрамора, ни столповъ, ни живописных картинъ, ни статуй. Но оная пещера ізсеченна из камня і разделѣнна сводами на разные покои, і украшена разнovidнымъ простымъ каменіемъ і раковины. Вмѣсто обои на стенахъ былъ виноградъ молодой, простирающе по всемъ стенамъ гиблющія свои ветви. Тихія южныя вѣтры *от* всякого солнечного зноя тонкимъ охлажденіемъ прохлаждали. Источники, тихимъ шумомъ текущія по лугамъ, всякими бѣговонными цветами насеяннымъ, сочиняли в разныхъ мѣстахъ воды чистые і свѣтлыя, яко хрусталь. Множество цвѣтовъ, яко ковры зелѣные. Кругомъ всей пещеры роща густая, і древѣса великія рождали алмазы златыя, и цвѣтъ ихъ на всякой годъ новой приносить сладостное и приятное обоняние. Сія роща, яко бы все прекрасныя луга обвенчала і яко алмазъ, которае лучи солнечныя не могутъ пронзати. Не было тамо иного увеселѣнія, кроме птицъ и ихъ сладостного и непрестанного пѣнія. И шумъ источника, с высокой горы по лугамъ текущаго.

Пещера богинина была посреде пригорка. *Оттудѣ* море было видно, иногда тихо и гладко, яко стекло, иногда кипяще по камению и разбивающееся шумомъ зеленымъ і великими волнами, алмазы горы. *От* другой страны — река съ островами, около насажденными древами цветущими і высокими. Разныя каналы кругъ острововъ, яко бы между собою забавлялись. Въ единыхъ были воды свѣтлыя і течение быстрое, в другихъ — воды тихіе. Иныя по многому окруженіи к своему верховью возвращались и волновали на своя источники, яко бы не хотели оставить свое злчное место. Издалека кажутся холми і горы пронзають облака і своими видами дикими затворяли горизонтъ, і увеселяли всехъ людей. Ближнія горы виноградомъ зеленымъ покрыты і висающимъ на стебляхъ. Кисти виноградныя, [с. 16:] свѣтлыя порфиры, не могли под листьями скрытиса, і древа виноградная множество плодовъ своихъ носить не могли. Древеса фиговые, аливковыя і гранатныя, по всему луку насажденные, садъ великой сочиняли.

Калипсо, показавше Телѣмаку все оное украшеніе природное, говоритъ ему: «Упокойся нѣѣ. Одежды твои все мокры, время ихъ перемѣнити. По томъ паки усядимся, і скажу тебѣ истории, *от* которыхъ твое сердце смятѣца». И привела его і Мантора в тайную і особливую пещеру близъ той, гдѣ сама богиня живет. Нимфы зажгли огонь великой *от* дровъ кедровыхъ. Благовоние ихъ пройде во вся мѣста. По томъ оставили одеяніе новымъ гостямъ. Телѣмакъ, видя оставленную себѣ одежду *от* волны тонкой, бѣлеѣ чистого снега, і ризѣ пурпуровѣю, шитую златомъ, возрадовался по обычаю юношей, когда видятъ нечто великое.

Менторъ укоряетъ его гласомъ гордымъ: «О том ли надобно думать, ѿ, Телемаче, улиссовѣ сѣну? Храни славу *от* ца твоего, побѣждай благополучие, которое тебя гонитъ. Юноша, которой украшается, яко жена, не достоинъ премудрости і славы, понеже слава достойтъ такому сердцу, кто умѣетъ нуждѣ терпѣти и все сласти попирати ногами».

Телемакъ *отвѣща*етъ с воздыханиемъ: «Да погубятъ меня боги, ежели лѣность і похоть срдце мое ѿбладають. Никогда сѣнъ улиссовѣ лестию жизни слабой і раболѣпной не побѣдится. Но каѿ блѣгодать небѣсная дала намъ по нашем потопленіи сию богиню, іли человека, которая такъ милостивно приемлѣтъ?» [с. 17:]

Манторъ ему *отвѣчаетъ*: «Бойся ея злости, бойся прелестнаго ея ласканія паче камня, *от* которыхъ разбить корабль нашъ. Утопление і смерть не такъ страшны, яко сласти, воюющія противу добродетелѣй. Бойся і не верь ея словамъ. Юность неразсудителна, на себѿ толко уповаеъ, легковерна і дерзосна. Не слушай сладкихъ і прелѣсныхъ словъ калипсиныхъ, которыя скоро въ сердце твое, ѿко змяя подъ цветъ вкоренится. Бойся яда сего утаеннаго і не *отмѣтай* совѣтовъ моихъ».

По семъ возвратилися къ Калипсе, которая ихъ уже ожидала. Нимфы своими завитыми власы і бѣлыми ризы уготовили имъ обѣдъ простой, но вкусомъ і сладостию ізрядной. Не было иного кушенья, кромѣ птиц, сетми поиманныхъ, и зверѣй, собственными ихъ стрелами застреленныхъ. Вино, сладче нектаря, із великихъ сосудовъ серебряныхъ наливали

в златыя чаши, украшенныя венцами *от* цветовъ. Въ кошахъ принесли всякиа плоды, которыя весна обѣщаетъ, а осень во всю вселѣнную роздаетъ. Четыре младыя нимфы стали воспевати. Сначала пѣли войну боговъ на гиганты, по томъ любовь юпитеровъ съ Семелею, рождение бакъкиово і его воспитание *от* старогѡ Силена, бѣгание аталантовѡ і гиппоменовѡ, кѡторой побѣдилъ яблокомъ златымъ, взятымъ в саду Геспаридонскомъ. По сему войну троянскую, храбрость улиссову і его премудрость до небесъ вознесли. Первая нимфа, имянуемая Левкотою, согласила свои рылѣ ко слатчайшимъ гласомъ протчихъ нимфъ. Когда услышалъ Телѣмакъ імя *отца* своего, потекли слезы із очей его и придали [с. 18:] новое сияние красотѣ его. Калипсо узрела, что Телѣмакъ зело печалень, не можетъ мсти, дала знакъ нимфамъ. І начали петь о войнѣ Контавра с Лапиты по сошествіи орфеѣвомъ во ад ради взятьа своея любимыя Евредисы.

По ѡкончаніи ѡбѣда нача богиня говорити Телѣмаку: «Ты видишь, сѣе великаго Улисса, какою любовию тебя приімаю. Есмь богиня. І никто *от* человекъ не можетъ взйти на сей мой островъ безъ наказания за свою смелость, і твое потопление не защитѣло бы тебя *от* гнева моего, ежели бь азъ не любила тебя. Ѡцъ твой такое жь имѣлъ блѣгополучие, какъ ты нѣтъ. Но, увы! Не умѣлъ себя содержать. Многое время покоіла его на семъ моемъ острове. И когда бь хотель, жил бы здѣ со мною житиемъ божественнымъ. Но слѣпое желание, чтобъ видеть свое бедное отечество, лишила его сего прибытка. Ты самъ видишь, чего онъ лишился. Ітаки ради, кѡторѡй никогда не увидить. Оставилъ меня и *отехалъ*, но мстила ему бурю. Корабль его, волнуясь вѣтрами, погрузился в море. Бойся сего плачевного примѣрѣ. По утопленіи его уже нѣтъ тебѣ надежды ни его видети, ни царствовати по немъ во ѡстрове Ітаке. Утешайся, уже его лишился, імѣешь богиню, кѡторая учинить тебя блѣгополучна и дастъ тебѣ царство». Великою істориєю богиня словеса своя распространила, хотяще показати, какое щастие былѡ [с. 19:] при ней Улиссу. Сказала ему все, что случилѡсѣ ему в пещере циклопа Палифема і Антафата, царя лестригонского. І на острове Цырцеи, дщери солнцевой, и

страхи, бывшая между Съцилиею и Харибтою. Предъявила ему послѣднею бурю, которую воздвигъ Нептунъ противъ Улисса, когда W неѣ отехаль, приводя Телѣмака во уверение, яко бы отецъ его погибъ на море, утаивши его пришествие во островъ Феацинской.

Телѣмакъ сперва весьма возрадовался, видя такое почтение от Калиѣы, по томъ позналъ еѣ хитрость и мудрость советовъ манторовыхъ. Краткими словами ей обѣщаль: « O , богиня, остави мнѣ ради моей печали. Нѣ паче сокрушаюся. Можетъ быть, что познаю благополучие, что ты мнѣ предлагаеши. Остави меня нѣ отца моего плакати. Ты лучше знаеши, какъ онъ достоинъ моего рыдания».

Калиѣо не смѣла тогда принуждати его болѣе. Притворилася соплакати печали его и желѣти Улисса, дабы болѣе уразумѣти и уловити сердце его. Вопросила его, какимъ случаемъ корабль его разбило и какъ пришелъ в землю ея. «Повесть, — отвѣщаетъ ей, — злополучия моего будетъ немалая». «Никакъ, — говоритъ ему Калипсо, — не могу болѣе терпѣти, но желаю вѣдати. Скажи мнѣ вскорѣ». И принуждала его долго. Телѣмакъ не могъ отрещися, начать ей сказовати тако: [с. 20:]

«Поехаль A изъ Итаки къ другимъ цѣямъ, возвратившимся отъ осады троянской, чтобы слышати отъ нихъ о отце моемъ. Любовники матери моей, Пенелопии, зело дивилися о отездѣ моемъ. Ибо таилъ отъ нихъ, знаючи неверстие ихъ. Несторъ, которого виделъ в Пилосе, и Менелай, которой принелъ меня съ великимъ дружелюбиемъ въ Лацедемонѣ, не могли возвестити мнѣ, съ живыми ли отецъ мой обретается. Въ недовѣдомой вѣдомости бывшей, восхотѣлъ поѣхать въ Сицилию, понеже слышалъ, что W ицъ мой ветромъ занесенъ тамо. Но мудрый Манторъ, которого здѣ видиши, воспретилъ сему моемъ неразумному намерению. Предъявилъ мнѣ, съ единой стороны, циклопы, гиганты и чюды, пожирающия людей, съ другой стороны, флотъ енейской и троянской, которые тогда тамо были. „Трояне, — повѣдаетъ мнѣ, — неприятели всемъ грекомъ, а паче всехъ желаютъ пролити кровь сына улисса. Возвратися паки во Итаку, можетъ быть, что W ицъ твой бголюбѣзной тотчасъ та-

мо приїдетъ. Когда бы боги вѣдали ему погибнути, никогда уже не возможетъ свое отечество видити. Тебѣ надлежитъ ѿйти мстити и свободити твою мать, показати мудрость твою всемъ народу и явитися всей Греціи цѣремъ, достойнымъ цѣрствовать, яко самъ Улисс“. Слова его зело здравы и спасителны. Но я своимъ малоумиемъ не послушалъ, но паче послѣдовалъ моей страсти. А премудрый Манторъ такъ меня возлюбилъ, что ѿ [с. 21:] восхотѣлъ в семъ моемъ неразумномъ путешествіи, и противъ его совѣту учиненномъ, ѿйти со мною. И боги попустили меня согрѣшити ради моего исправленія».

Телѣмакъ говоритъ, Калипсо смотритъ на Мантора. В недоуменіи видитъ в немъ нечто божественное, но не можетъ своего мнѣнія разсудити. И бысть исполнена страха и невѣрствѣн. Но не хочетъ показати себя смущенною. Говоритъ Телѣмаку: «Продолжай речъ свою и удоволствуй мое желание». Телѣмакъ нача еще сказывати:

«Долгое время ѿмѣли мы приятной вѣтръ, плывуще в Сицилию. По томъ во единомъ часе премѣнился, и темная буря закрыла ѿ очей нашихъ свѣтлость небесную, и глубокая ночь покрыла насъ. Но блистаніемъ молненнымъ увидели другіе корабли, подлежащие такой же погибѣли, и познали тотъ часъ, что оныя корабли енеѣвы. Не менши каменя страхъ намъ нанесли. Тогда бѣду свою позналъ, но весьма поздно, которую прежде горя честь юности несмысленной разсудити прилѣжно не допустила. Манторъ в семъ страхе показался не точию твердъ и безстрашенъ, но еще паче весель, нежели обыкновенно. Возбуждалъ во мнѣ смѣлость, и ѿмѣлъ в себѣ силъ непобѣдимую. Онъ управлялъ кораблемъ с кротостию, когда корабелщикъ былъ в смятеніи. Я говорилъ ему: „О, возлюбленный мой Манторе, почто я [с. 22:] не послушалъ твоего совѣта? Горе мнѣ, что себѣ повѣрилъ в такихъ лѣтехъ, в которыхъ еще нѣсть ни предумотрени будущаго, ни іскуства в прешедшихъ, ни целомудриѣ в настоящихъ. О, когда сея погибѣли избѣжимъ, не будъ к тому вѣрити самому себѣ, яко моему главному неприятелю, но тебѣ, Манторе, всегда будъ верить“.

Манторъ усмехнуся, отвѣщаль мнѣ: „Не хочу тебѣ в твоей винѣ нѣтъ досаждати, довольно, что самъ признался. Да воздержнѣе будешь в твоих желаніяхъ. Но когда бѣдство минуетъ, неразсуждение к тебѣ возвратится. Нѣтъ надобно бодрствовать. Преждѣ бѣдъ надобно смотрити и опасатися. А когда уже постигнетъ, тогда мужественно надобно презирать. Буди достойный, снѣ улиссов, і покажи нѣтъ свое великодушіе“. Тихость і мужество мудрого Мантора укротили меня. І паче удивительно, какою хитростию избавиль насъ от троянъ.

Разсвѣтающу дню трояня видели насъ близ себя і познали. Манторъ примѣтилъ ихъ един корабль, подобѣнъ нашему, бурю далеко отнесенной. Корма его была украшенна разными цветами. Тотъчасъ украсиль свою корму такими же цветами і перевязаль ихъ такими же лентами, какъ у троянъ. Всемъ гребцамъ нашимъ повелѣлъ приклонитца между лавками, какъ возможно, да не познаніи будутъ от неприятеля. Таким образомъ сквозь ихъ флотъ проехали. Они же [с. 23:] вопіяли с радостию, видяше насъ яко товарищей своихъ, которыхъ чаяли погибшихъ. І принуждены были погодою долгое время плыти с ними. По томъ остались позади ихъ. І когда ветры жестокие ихъ пронесли къ Африке, тогда мы, какъ возможно, трудились греблѣю, пристали къ берегу Сицилскому.

І убо приплыхомъ, но горшую погибель себѣ получили, нежели от караблей, ꙗко которыхъ бѣжали. Нашли на берегу сицилскомъ другихъ троянъ, неприятелей греческихъ. Тамъ царствуетъ Ацестъ, ушлецъ из Трои. Едва на берегу острова вышли, тотъчасъ жители, видевши насъ, чаяли другова острова людей вооруженныхъ, хотящихъ ихъ побити, іли чужестранныхъ, пришедших завладети ихъ землю. В-первыхъ, сожгли карабль нашъ, побили всехъ нашихъ товарищей. Только оставили живыхъ меня і Мантора и повели насъ ко Ацесту на істезание вины нашего приездѣ. Вошли в городъ, назадъ руки связаны, но смертию скорою насъ не умертвили, дабы народѣ немилосердну насъ показати, что мы греки.

Тотъчасъ представили насъ Ацесту, которой держить в рукахъ златый скипетръ і судить людей. Готовился тогда на

приношения великия жертвы. Вопрошаетъ насъ гласомъ жестокимъ, коея мы страны і почто приехали. Тогда Манторъ отвѣщаль ему: „Пришли *от* великия Гесперіи, [с. 24:] *оттуду* наше отечество недалеко“. А не сказалъ, что мы греки. Ацестъ, не хотя болше о насъ ведати, чаялъ, что мы лазутчики, которые не хотятъ сказать правдѣ, *отсылаетъ* насъ в леса, яко неволниковъ, служити пастырямъ. Се чинъ мнѣ горше смерти казался. І возопилъ къ црю: „О, црю! Предай насъ лутче смерти, нежели такъ безчестно жити. Ведай, что я Телѣмакъ, сынъ премудраго Улисса, царя Итакъскогѡ. Ишу *отца* моего по всемъ морямъ, і ежели не обрящу его и не возвращуся в свое отечество, и не будѣ свободень *от* сея работы, тѡ прекрати жизнь мою, понеже не могу стерпети“.

Едва словеса сия говорилъ, тотъчасъ весь народъ возмѣтился, і вскричали: „Да погибнетъ сѣ жестокого Улисса! Его хитростию раззорился градъ Троѡ“. По томъ глагола мнѣ Оцестъ: „О, сынъ улиссовъ, не могу возбранити крови твоея душамъ многихъ трояновъ, которыхъ *отць* твой погубилъ на берегу Каситы-реки. Ты і кто с тобою смертию погибнете“. Тогда единъ старейшина предложилъ црю, да пожретъ насъ над гробомъ анхизовымъ. „Кровь ихъ, — рече, — будетъ бѣгоприятна души сего побѣдителя. Еней, когда услышитъ о таковой жертвѣ, возрадуется, видя, колико ты его любишь, ібо онъ самъ паче всего свѣта любилъ“. Народъ сие предложение похвалилъ і насъ хотятъ, конечно, жертвовати. Уже на гробъ анхизовъ повели, уже поставлены два олтаря, і святой огонь возженъ. Мечъ, чемъ [с. 25:] насъ посекати, предъ очми нашими лежитъ. Венчали насъ цветами, і никакая жалость не могла спасти жизнь нашу. Уже насъ уготовали. Тогда Манторъ кратко умолилъ, дабы дали ему нечто сказати црю, і началъ говорити: „О, Ацестъ, ежели погибѣлъ младогѡ Телѣмака, которой никогда с трояны не бился, тебя на милость не склоняетъ, то ради собственной твоей ползы умилися. Імѣю даръ пророчества і волю боговъ *открывати*. **▲** знаю, что прежде трехъ дней приидетъ на тебя народъ варварскій, яко істочникъ быстрый *от* горы высокия, и потопитъ твой град и опустошитъ страну твою. Того ради ускори, повели людемъ своимъ вооружати-

ся і не умедли единого часа ввести в городъ богатая стада, которыя пасутца на поляхъ. І буде пророчество мое ложно явится, можешь по триехъ днехъ пожрать насъ неотложно. Ежели жъ будетъ истинна, помяни, что невозможно отнять жизнь, давшимъ тебѣ животъ“. Ацестъ удивился, слышавши словеса сия, с великою надеждою от Мантора реченная, чего никогда в человеке не видалъ. „Вижѣ добре, ѿ, чюжестранныя, что бози ізволили дати вамъ мало щастия, но даровали вамъ за вся благая премудрость, дражайше всякого блгополучия“. Тогда отложилъ сию жертву і повелѣлъ неотложно вся нужная приготовить ради будущаго нахождения варваровъ, предреченного Манторомъ.

Жены трепещѣтъ от страха, старики дряхлыя, дети плачѣютъ і собираютца все во градъ, волы рычатъ, овцы блѣютъ і, оставя жирную паству, стадами бѣгутъ. И не обрѣтали мѣста, чтобы вмѣститься под кровлю. Во всехъ вратахъ смятение народа, единъ другаго теснить, другъ друга [с. 26:] не знаючи. Бѣжали і пути своего не вѣдали. Начальные же граждана чаяли премудрея быти, роптали, что Манторъ лестно ложное пророчество сказалъ ради своего ізбавления.

При конце же третьяго дня, будучи в такомъ же сумненіи, увидели на горе недалеко великое множество варваровъ вооруженныхъ. Се пришли імерияне, народъ зверской, і другие народы, живущие на горе Неброде і Аграгасе, на которыхъ зима непрестанно царствуетъ и теплой вѣтръ не можетъ прогнать. И кто мудрое пророчество манторово уничтожилъ, потеряли своихъ рабовъ і стада. Црѣ рече Манторѣ: „Не почитаю васъ за грековъ і не имѣю васъ за враговъ, но за верныхъ друзей. Бози васъ послали к намъ на спасение наше, и нѣтъ не меньше требую вашей храбрости, какъ вашихъ премудрыхъ совѣтовъ. Того ради помозите намъ“. Манторъ тогда показалъ доброю свою смѣлость, страшную всемъ прехрабрымъ воиномъ. Взялъ щитъ, шлемъ, мечъ і копие, уставилъ войско ацестово. Ідетъ предъ ними и приближается в добромъ порядке к неприятелѣмъ. Ацестъ, хотя храбръ, но за старостию не могъ ітти, но шель іздалеко. А я слѣдоваль Манторѣ блиско, но не могъ сравняться силѣ его. Латы его подобны были латомъ минервинымъ. Смерть

по всемъ варварскимъ полкамъ бегаетъ, подобно лву нумидскому гладному, которой нападетъ на стадо овецъ безсилныхъ, терзаетъ, поедаетъ и плаваетъ в крови ихъ. Пастыри же стаду своему не помогаютъ, но с трепѣтомъ бѣгутъ отъ гнѣва и ярости его. [с. 27:] Оныя варвары надеялися нечаянно градъ взяти, сами разсеялися и погибли. Подданныя ацестовы разярилися дѣломъ и словами Мантора и возымѣли такую крѣпость, какой не чаяли. **А** убилъ моимъ копиемъ сѣна царева, которой былъ мнѣ равнолѣтенъ, но болши возрастомъ, ибо народъ сей былъ отъ рода гигантовъ, отъ единого колѣна съ циклопами. Уничтожалъ менѣ, противника своего, видя зело слабого. Но я не боялся крѣпости его великой, ни лица его дикого и звѣровидного, устремилъ копие мое къ чреву его, и тако издше, и испустилъ источники крови черной. Упалъ, **а**ко бы хотелъ меня падениемъ своимъ задавити. Взявъ его корысти, и возвратился ко Ацесту. Манторъ, разогнавъ неприятелѣй, побиваетъ ихъ немилостиво и прогоняетъ до лесовъ.

Таковаго ради нечаянного благаполучи **а** все Мантора почитали **а**ко человека бглюбѣзнаго и богомъ просвященнаго. Ацестъ, бгдаря, остерегаетъ насъ и боится кораблей енѣвыхъ, ежели возвратятца в Сицилию. Дабы насъ не поимали, того ради далъ намъ корабль, чтобъ немѣдленно в свое отечество возвратитися. Обогадилъ насъ дарами и принуждаетъ ехать скоромъ, да избѣжимъ нашего злополучия, которое онъ предвиделъ. Но не изволилъ намъ дати корабелщика и гребцовъ своего народа, бояся, да не погибнуть во странахъ греческихъ. Но далъ намъ купцовъ фенецианскихъ, которые имѣли купечество со всеми народы и никого не бояся, и повелѣлъ имъ, отвезши насъ во Итаку, возвратити корабль свои назадъ. Но бози намерениемъ человеческимъ ругаются, приговорили насъ к другимъ бѣдамъ».

Конецъ первыя книги.

[с. 28:]

Похождение телѣмаково, сѣна улиссова
Книга втора

«Тирияня своею гордостію озлобили на себя Сесостреса, црѣя египетского, которой завоевалъ многими црѣствами богатства купечества. И сила непобѣдимая града Тира, лежащаго при мори, возгордили сердце сего народа. Отказали Сесострисѣ дань положенную давати и дали брату его войско, которой хотѣлъ его убити. Во время великого обеда Сесостресъ повелѣлъ ихъ купечество по всему морю теснити, дабы темъ гордость ихъ низложить. Карабли его плаваютъ по всемъ странамъ и ищутъ феницианъ. Флотъ египетскій нашель насъ, какъ уже сицилские горы невидимы стали, пристань и береги яко бы создаи насъ бѣжали и скрывалися за облака. Тогда увидели мы египецкие карабли, подобны граду плавающему. Наши фенициане познали ихъ и хотели удалитися, но уже поздно: парусы ихъ были лучше нашихъ, вѣтръ способенъ, гребцовъ болше. Уже к нам приближаются и насъ бѣрутъ, и вѣдутъ плѣнныхъ во Египетъ. Напрасно сказалъ , что мы не фенициане. Едва хотели слышать. Чаяли о насъ, что мы неволники, которыми фенецианѣ купечествуютъ, и надеялися от насъ получитьи прибытокъ. По семъ морская вода стала быть [с. 29:] бѣла и начала мешатца с нилскою водою. И увидели мы землю египецкую такъ ниску, какъ моря. По томъ приплыли къ острову Фарось близъ города, но тутудъ поехали вверхъ по Нилѣ до Мемфисаграда.

Ежели бы печаль нашего плѣненія допустила насъ веселитися, очи наши увеселилися бы, видяще изобилную землю египетскую, подобну садѣ веселому и украшенному многими водами. По обоимъ странамъ реки города частые и многонародные, дома, добре положенные и приятные, земля всегда покрыта жатвою, яко позлащенною, паствы полны скота, земледѣлцы отягченны множествомъ плодовъ зем-

ныхъ, пастыри на флейтахъ и шалмеяхъ со всеми эхами тихимъ гласомъ перекликаются.

„Блаженъ народъ, — рече Манторъ, — кто имѣеть црѣ премѣра, живеть во изобилїи, обитаетъ во благоденствїи и любитъ, кто даль блгополучие. Тако, ѿ, Телемаче, надобно тебѣ црѣствовати, людей твоихъ веселити, когда бози дадутъ тебѣ владети црѣствомъ отца твоего. Люби людей своихъ, какъ своя чада, ищи ихъ любви и веселися, чтобъ, живучи в мире и веселии, всегда тебя поминали милостивымъ царемъ, от которогѡ такие богатые дары получаютъ. А цари, которыя хотять страшны быти и теснятъ своихъ подданныхъ, чтобъ болши ихъ покорити, суть бичъ роду человеческому. По ихъ желанию боятся ихъ, но не любятъ и поносятъ ихъ, и болши сами боятся подданныхъ своихъ, нежели подданные ихъ“.

Тогда ѡ отвѣщаль Манторъ: „Увы, мнѣ не время разсуждати о законахъ, какъ надобно црѣствовати. [с. 30:] Итаку болше не увидимъ, отечества и Пенелопїи лишились вѣчно. И когда Улиссъ съ славою в свое црѣство возвратится, меня тамо не обрящеть и радоватися мною не будетъ, я послушенъ ему не будѣ и повелѣвати от него не научюся. Умремъ, дражайшїй Манторе, толко о смерти намъ мыслить. Умремъ, ибо бози к намъ немилостивы“.

Глаголя тако, тяжкое въздыхание речъ мою пресекало. Но Манторъ преждѣ бѣдѣ боялся, а когда бѣды пришли, тогда безстрашенъ сталъ и нами гнѣвался. „Недостойный снѣ мудрого Улисса, что такъ побѣждаешися бедами? Ведай, что увидишь некогда островъ Итаку и Пенелопию, и еще увидишь, кого никогда не зналъ в прежней его славѣ непобѣдимой. Улиссъ, которогѡ фартуна не смиряеть и которой обретаецца в бѣдахъ величайшихъ, нежели ты, учитъ тебя никогда не ослабѣвати. Ѡ, когда бы онъ сведаль на далнѣй странѣ, где его вѣтры занесли, что снѣ его не слѣдуетъ ни его терпѣнїю, ни его великодушїю, стыдъ его обимѣтъ, и несноснѣ емѣ будетъ паче всѣхъ бѣдѣ, которыя терпитъ такъ долгое время“.

По томъ Манторъ велѣлъ мнѣ примѣчать, какою радостїю и їзобилиемъ наполнена вся земля египетская, гдѣ счи-

тали дватцать две тысячи градовъ. Дивился добрымъ порядкомъ гражданскимъ. Судь убогому съ богатымъ нелицемѣрной, доброе воспитание детемъ. Учение к послушанию, къ трудамъ ꙗ трезвости, къ люблению [с. 31:] художествъ ꙗ наукъ, вниманіе къ учению веры ꙗ несребролюбію, желаніе чести, вѣрность къ людемъ и страхъ божій — всякой родитель тако детѣй своихъ училъ. ꙗ не преставалъ сему доброму уставу Ѹдивлятися. „Блаженъ народъ, — часто мнѣ говорилъ, — гдѣ црѣ премудръ. ꙗ еще блаженъ царь, кто веселитъ люди своя и самъ веселитца своими добродетелми. Содержитъ людей своихъ любовію во сто кратъ крепче, нежели страхомъ, не толко, что его слѣшаютъ, но еще с радостию хотятъ слушати его. Царствуетъ во всехъ сердцахъ. Всякъ не хочеть его лишитися ꙗ боится его потерять, ꙗ полагаеть животъ свой за него“.

А слушалъ вся словеса манторовы со вниманіемъ и ꙗмѣлъ въ сердце моемъ великодушіе, по мере какъ оной премудрой другъ меня утешалъ. Когда пришли въ Мамфисъ, городъ многлюдной ꙗ величавой, губѣрнаторъ послалъ насъ въ Фебу представити насъ црѣ Сезострисѣ, ꙗбо хотѣлъ самъ испытати о насъ, а на тирянь зело былъ гневѣнь. Поѣхали еще вверхъ по Нилу до оного славнаго града, гдѣ было сто воротъ. Там жилъ оной великій царь. Сей городъ показался намъ зело великъ ꙗ многнароднеѣ всехъ греческихъ городов. Содержание в чистотѣ улицъ, в каналахъ водныхъ, в баняхъ покойныхъ, въ обученіи художествъ ꙗ в покойномъ житіи народа было преизрядное. Площеди украшены фантанами ꙗ обѣлисками, цркви мраморныя архитектуры простой, но величавой. Едини полаты царския, какъ городъ великій, наполнены столбами мраморными, пирамидами, обелисками, статуеми ꙗ уборами златыми и серебряными. [с. 32:]

Емшия насъ сказали црѣ, что взяли насъ в корабле феницианскомъ. По всякъ день слушалъ в уреченные часы всехъ своихъ подданныхъ, которыя к нему приходили со многими жалобами, ꙗли с ѣными вѣдомостми. Никого не презиралъ и от себя не отбивалъ. ꙗ думалъ, что онъ поставленный царь, чтоб своимъ подданнымъ благодетелствовать, ꙗ любилъ ихъ, какъ своя чада. Чюжестранныхъ принималъ съ милостию,

желалъ ихъ самъ видети, хотель слышати нечто полѣзное ꙗзныи нравы и обычаи далнихъ народовъ. Сего ради представили насъ къ цѣрю. Цѣрь же сидель на престолѣ, зделанномъ отъ костей. В руке имѣль златой скипетръ, былъ старъ, но приятень, наполненъ кротостию, чему все дивилися. Нелѣстно устроивше вся дѣла своя и отдавше в день судъ нелицемѣрной, покоился по вечерамъ, беседующе с людьми учеными, ꙗли с честными, которыхъ избралъ себѣ домашними. Не было в немъ ни единого порока, кромѣ того, что побѣжденныхъ цѣрей велъ с собою в триумфе зело гордо, ꙗ еще зело себя вѣвериль единому отъ подданныхъ своихъ, о которомъ вскоре тебѣ скажу.

Увидель меня, пожелѣль о юности моей ꙗ печали моей. Вопросиль меня о моемъ отечествѣ ꙗ о моемъ ꙗмени, и я удивилься о его премудрости. А я ему отвѣщаль: „О, великѣй цѣрю, троянская десятилѣтная осада ꙗ ея разорение, которая пролила много крови греческия, ꙗзвѣстна тебѣ. Улиссъ, отецъ мой, единъ былъ отъ первыхъ [с. 33:] царей, которыя оной градъ разорили, отекаетъ все море ꙗ не можетъ обрести острова Итаку, свое царство. Азь его ищѣ ꙗ такимъ же злощастиемъ взятъ. Отпусти меня ко Ѡцу моему и во отечество мое, да сохранятьъ тебя бози ради твоихъ детей, ꙗ дастся имъ радость жити с тобою, добрымъ родителемъ“.

Сесострисъ смотритъ на меня окомъ милосерднымъ ꙗ хочить вѣдати, правду ли Ѡ ему сказалъ. Послаль насъ къ единому своемѣ офицерѣ, которому повелѣно было ꙗспытати о тѣхъ, кто взялъ нашъ корабль, подлинно ли мы греки, ꙗли финициане. „Буде финициане, — говоритъ цѣрь, — то надобно сугубо наказати, что ѡни наши неприятели ꙗ что хотели насъ обмануть безделною ложью. Буде же греки, хошѣ, да будутъ содержаны бѣзъ тесноты, и отошлитѣ въ ихъ землю на моемъ кораблѣ, ꙗбо люблю греческую землю. Многия египтяне дали имъ законы, знаю силѣ геркулесову ꙗ слышалъ славу ахиллесову, и чюднаѣ премудрость улиссова мнѣ сказана. Желая ꙗ хошѣ бѣдномѣ великодушию помогати“.

Ѡфицеръ, которому поручиль царь дѣло наше, былъ такъ малодушень и злокоснень, какъ Сесострисъ правдивъ ꙗ

млѣтивъ. Имя ему Метофисъ. Вопросилъ насъ, чтобъ насъ уловити. Ї какъ увидель, что Манторъ *отвѣтствуетъ* премудреѣ меня, воззрел на него с великимъ презрениемъ и неверствиемъ, [с. 34:] ꙗко злыя гневаются на добрыхъ. Разлучилъ насъ, и *от* того времѣни **▲** не зналъ, что Манторъ учинилося. Сие разлученіе мне было, какъ громовой ударъ. Метофисъ надеялся зело видети разность во **Ѡвѣтахъ** нашихъ и вопрошалъ насъ вразнѣ. Чаялъ прелстити меня обѣщаниемъ лстивнымъ и хотелъ *от* меня увѣдати **Ѡтаенное** Манторомъ, и искалъ правовѣрной самой істинны на всякой притчины назвати насъ финицианами и сказати царю, чтобъ взять насъ к себѣ въ склавы. Ї, правда, хотя мы были невинны, и царь былъ премудрой, однако жъ оболстилъ его. „Увы, чему цари преданы! Мудрыхъ обманываютъ люди лукавыя, и хищники имъ предстоятъ; добрыя *отгнаты*, понеже не нахалны и не льстивы. Добрыя ждутъ, когда ихъ спросятъ, но цари не ищутъ ихъ, а злыя смелы, обманщики безстыдны, ласкають и осуждаютъ, умѣють лукавить, готовы к дѣламъ бѣзчестнымъ и бѣзсовеснымъ и страстемъ царскимъ угодники. О, бѣдной царь, которой преданъ лукавствъ злыхъ людей! Погиблъ, аще не прогонитъ ласkanie и не любитъ дерзновенно глаголющихъ истинну“. Тако **▲** разсуждал в напасти моей и воспоминалъ вся словеса манторовы. Междѣ тѣмъ, Метофисъ послалъ меня к горамъ пустыни **Ѡазисъ** стрещи великия [с. 35:] стада».

Калипсо перехватила сию речъ телѣмакову, глаголюще: «Что ты тогда делалъ, понеже хотѣлъ в Сициліи лутше умрети, нежели работати?»

Телемакъ *отвѣщаль*: «Злошастіе мое день *от* дня умножилося, и не видель разности между работы и смерти. Былъ уже неволникомъ и претерпѣлъ всякую лютость фартуны. Болѣе не имѣлъ надежды и не могъ вымолвить ни единого слова к моемъ спасенію. О Манторе же тогда сказали мнѣ, что его продали ефиопомъ и повезли его въ Ефиопию.

Меня привезли в пустыню глубокую. Тамо пески кипячье в далинахъ, снегъ нетаемый и зима непрестанная на горахъ. Скоты питаются между каменя, посреде горъ крутыхъ

долины глубокия, которыхъ едва солнце своими лучами можетъ освящати.

Иныхъ людей во оной земли, кромѣ пастырей, не видаль, которыя такъ были дики, какъ сама пустыня. Нощию плакаль о своемъ злощастїи, а днемъ пасохъ стада, чтоб не видети гнѣва *от* перваго неволника, которой, желая себѣ воли, клеветалъ на всехъ непрестанно і темъ показывалъ гѣдину свою ревность і усердие къ его прибыткамъ. Імя сему неволнику Бутись. В такое время надобно было покоритися. Во единъ день отяхченъ былъ печалию і забылъ стадо мое, и легъ на траву близъ пещеры, и ждалъ смерти. Не могъ терпѣти мучения. В той часъ гора потряслася, дубъ і сосны, яко бы з горы сходили, ветры вѣели тихїи. Услышалъ слова сїа: „Сыне премудрого Улисса, терпѣниемъ твоимъ будеши [с. 36:] великъ, яко отецъ твой. Цари, которыя жили всегда во благополучїи, не достойны называтися црѣями. Покой ихъ портить, гордость помрачаетъ. Блаженъ, ежели скорби твои претѣрпишь і не забудеши ихъ вечно. Итаку увидишь, и слава твоя взыдетъ до небесъ. Тогда будеши госпотствовати над человеки, тогда помяни настоящую твою слабость — бедность і терпѣние. Подщися помогати имъ. Люби твоихъ людей. Проклени ласкание і знай, что будеши великъ по мере твоего целомудрия і великодушия і какъ побѣдишь страсти твоя“.

Сия божественная словеса до сердца моего дошли, і быхъ радостень и великодушень. Не чувствовалъ страха, *от* котороѡ кровь в жилахъ замерзаетъ, когда боги являютъ человекомъ. Всталъ, кротко поклонился на колено, воздевъ руце на небо, і мнехъ гласу сему быти минервину. Тогда увидель себя новаго человека. Премудрость умъ мой просвѣтила, страсти моя удержалъ и укротилъ скорость юности моей. Все пастыри пѣстынныя возлюбили меня. Моимъ смирениемъ, терпѣниемъ і моимъ послушаниемъ укротился Бутись, которой имѣлъ власть над всеми неволники и хотѣлъ меня сначала мучити.

Но чтоб возможнѣе претерпѣти скукѣ плѣнениа і пустыни, искалъ книгъ, ибо печалень былъ бѣзъ ѣченїа, которое питаеть і укрѣпляетъ разѣумъ. „Блаженнїи, — рекохъ, —

кто не любить похотей і живеть кротостию и житиемъ непорочнымъ. Блаженъ, кто забавляетъ себя учениемъ і распространяетъ умъ свой [с. 37:] науками. В какое мѣсто неприязненная фартуна его не приведетъ, всегда імѣеть свое утешение с собою. И кто забавляетъ себя книгами, не знаетъ скуки, которая іныхъ людей посредѣ богатства снедаетъ. Блаженъ, кто любить чтение и не лишень чтения, какъ ♣ ннѣ“. Тако во умѣ моемъ помышляхъ и зайдохъ во глубокой лесъ. І внезапно увидехъ единого старца, держащаго в руке кнѣгу.

Сей старецъ імѣль чело велико без власть с морщинами, браду седую до пояса. Ростомъ высокъ і величав. Лице его еще свѣтло и румяно, очи свѣтлы и проницателны, гласъ тихій, словеса просты і приятны. Никогда такъ честного старца не видалъ. Имя его Термозирисъ, аполловъ священникъ. Служиль в церкви каменной, которую цари египетския освятили богу в лесе томъ. Книга была собрание песней в честь богамъ. Приходить ко мнѣ дружелюбно і бѣседуетъ со мною. І сказаль прошедшая такъ добре, яко бы виделъ. Но сказаваль кратко, і исторіи ево мнѣ не скучали. Предвидель будущая и своею глубокою премудростию зналь людей и їхъ хотѣние. С такою премудростию былъ весель, благоприятень. В самой веселой юности нѣтъ толко благодравия, какъ в сей глубокой старости. Младыхъ людей, прилѣжныхъ к учению і любящихъ благочестие, любиль.

Тотъчасъ возлюбиль меня і далъ мнѣ книги на утѣшение, назвалъ меня своимъ сыномъ. И я ему говорилъ: „Отче мой, бози лишіли меня Мантора. [с. 38:] Ннѣ умилосердилися надо мною і дали мне тебя, другую подпорѣ“. Сей человекъ подобень Орфею, іли Лину, и былъ, без сомнѣния, просвященъ богомъ. Читаль мнѣ стихи своего изложения і подариль мнѣ стихи другихъ стихотворцевъ, музами наученныхъ. Тогда былъ одеянь в ризѣ зело бѣлую, імѣль в рукахъ рыле кастанья. Бабры, медвѣди і лвы лобызали і лизали ноги его, сатиры, пришедше із лесу, кругомъ его плясали, і дерева сами яко бы двигалися. И ты бы чаяла, что камение умяхчилися и сходили з горы на гласъ слаткаго его

ігранія. Вспеваль величіе божіе, дѣла храбрыхъ людей і премудрость человѣческую, которыя лутче любяць славу, нежели веселіе.

Часто увѣщаль меня бодрствовати и говорилъ, что бози не оставяць ни Улисса, ни его сына. По том повелѣль мнѣ слѣдовати Аполлу і учити пастырей іграти на музыке. „Аполло, — рече, — прогневался, что Юпитеръ громомъ трясетъ небо, і восхотѣль мстити циклопомъ, которыя готовили огонь, и убилъ ихъ своими стрелами. Тотъчасъ гора Этна престала блевати вихромъ пламеннымъ. Стукъ страшныхъ молотовъ, которыми били по наковалнѣ и от которыхъ стонали глубокия пропасти земныя і глубины морскія, не слышанъ бысть. Желѣзо и сталь, не чищенные циклопами, начали ржавѣть. Вулканъ лютой із своей кузницы выходитъ и, хотя хромъ, но лезетъ прилѣжно на гору Олимпию. Приходитъ в собрание боговъ весь в потѣ і в пыли и жалуется горко. Юпитеръ прогневался на Аполлона, согналъ его съ неба на землю. Колесница [с. 39:] его пустая ідетъ путемъ своимъ едина і даетъ человекомъ день і ношь, и премѣну времени уставленную. Аполло, лишився своего сиянія, принужденъ быти пастыремъ и пасъ стада царя Адметея, ігралъ на флейте. А другія же пастыри житиємъ дикимъ і зверскимъ толко умѣли пасти овецъ и стричъ, доити млеко и делати сыры. І все полѣ было, яко темная пустыня.

Вскоре пастыремъ показаль Аполло художество, какъ жити житиємъ благоприятнымъ. Похваляль цвѣты, которыми весма величается ихъ благовоніе, і траву, растящую под ногами, по томъ веселую ношь летную, когда Зефиръ прохладяетъ человеки, и роса напаяетъ землю. Также поминаль в песняхъ своихъ позлащенные плоды, воздаяніе трудовъ земледелцомъ і покойную зимѣ, когда резвая юность кругомъ огня пляшетъ. Наконецъ, не забыль леса темныя, которыя покрывають горы, і пустыя долины, гдѣ реки извиваются, в веселыхъ лугахъ іграють. Расказаль пастыремъ, какое есть увеселѣніе в полевомъ житіи, когда кто умѣетъ доволствоватца просто природными вещами. Пастыри тотъчасъ увидели себя счастливице царей, и въ ихъ ізбы прибѣга-

ли множество непорочныхъ веселостей, которыя бегутъ полатъ позлащенныхъ. Игры, смехъ, союзъ всегда были с непорочными пастыри. По вся дни праздники. Птицы поютъ непрестанно, тихое дыхание зефирова съ ветвями древесными иґраеть, источники, тихо шумящия, з горъ текутъ свѣтло. Пастыри слѣдуютъ Аполлону, поюще [с. 40:] песни. Сей богъ научилъ ихъ бегать почести ради и стрелять стрѣлами елѣней и козь дикихъ, и сами боги начали пастыремъ завидовать. Житие ихъ казалось богамъ сладше всей славы ихъ, и взяли Аполлона паки на Олимпию.

Сынѣ мой! *От* сей історіи научися, понеже ты в том же состоянїи, какъ былъ Аполло. Обнови сию дикую землю, дай цвѣтъ пустыне, покажи пастыремъ сладость согласия, укроти сердца необузданныя, научи благонравию, дай имъ чествовати в пустынѣ непорочное веселие, которого никто не можетъ *от* пастырей *отняти*. Пожелѣешь, снѣ мой, пожелѣешь некогда житие пастырское, на престолѣ сидя, *от* многих трудовъ и великаго попечения, которыми цари отягчены“.

По томъ даль мнѣ Термозирись флейту такъ сладку, что эхо горъ нашихъ разгласили повсюдѣ. И все пастыри ко мнѣ прибѣжали. Мой гласъ зело былъ согласенъ, а я радовался и иґралъ веселие, которымъ натура поля украсила. Пели день весь и некую часть ночи. Все пастыри забыли свои избы и свое стада и были какъ привязаны и неподвижны округъ меня, и казалось, что уже в пустыни дикого не было. И все было тихо и весело, яко бы добрымъ жителѣмъ пастырскимъ земля усладилася. [с. 41:]

Часто собиралися приносить жертвы в храмѣ аполловомъ, гдѣ Термозирись былъ священникъ. Пастыри ходили, имѣли на главахъ венцы лавровые в честь богу, пастырицы также приходили и плясали в венцахъ *от* цвѣтовъ и носили на главахъ своихъ освященныя дары. Послѣ жертвы делали полевыя обѣды, наши сладчайшия меды. Было млѣко козье и овечье, которое мы сами собирали. И рвали финики, фиги и виноградъ. Стулья наши были кочки. Зелѣныя древѣса густыя прикрывали нас своею сению приятнѣе позлащенныхъ сводовъ полатъ царскихъ.